

В. Пчелинцев

Искусство снайпера

356

17 92

Р 30/91

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1948

...учиться военному делу,
учиться настойчиво, изучить
в совершенстве свое оружие,
стать мастерами своего дела
и научиться, таким образом,
бить врага наверняка.

СТАЛИН

БИБЛИОТЕЧКА БОЙЦА ВСЕВОБУЧА
Под редакцией генерал-майора Н. Пронина

Герой Советского Союза
В. ПЧЕЛИНЦЕВ

ИСКУССТВО **СНАЙПЕРА**

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1942

Ответ. редактор *Ю. Вебер*

Подписано к печати 5/IX 1942 г. Л75421
1¹/₂ печ. л. 1,3 уч-изд. л. 39000 зн.
в печ. л. Тираж 40000. Зак. 1351.
Цена 45 к.

Ч-ка юношеской книги изд-ва ЦК
ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва,
ул. Фридриха Энгельса, 46.

От издательства

До великой отечественной войны автор этой книги, двадцатидвухлетний комсомолец Владимир Пчелинцев, был студентом Горного института в Ленинграде. Он мечтал стать геофизиком, раскрывать богатства недр родной земли, чтобы еще полнее, еще радостнее была жизнь.

Активный комсомолец, секретарь бюро комсомольской организации, Пчелинцев хорошо знал: чтобы быть хозяином родной земли, надо уметь ее защищать и в грозный час с честью выполнить высокий долг воина. И Пчелинцев готовился. С огромным упорством учился он стрелковому делу, успешно прошел все ступени мастерства — от ворошиловского стрелка до звания снайпера. Уже в мирной жизни винтовка стала боевой подружкой Пчелинцева.

Грянула война. Как и многие тысячи молодых советских патриотов, полный гнева и ненависти к врагу, Владимир Пчелинцев отложил в сторону книги и взялся за оружие, чтобы грудью защитить родную землю от иноземных захватчиков. Добровольцем ушел он в Красную Армию. Смелый, решительный командир взвода истребительного батальона, Пчелинцев много раз ходил в разведку, выполнял самые ответственные задания командования. Переведенный в гвардейскую дивизию, Пчелинцев неустанно совершенствовал свое воинское мастерство.

Родина, Сталин приказали истребить немецких оккупантов всех до единого. Этой благородной цели Пчелинцев отдает все свои силы и грозное искусство снайпера. 8 сентября прошлого года, с разрешения командования, он впервые вышел на передний край обороны. Много часов под пронизывающим осенним дождем пролежал молодой снайпер, ожидая появления врага. И дождался. Два немецких автоматчика, опасливо озираясь по сторонам, выбрались из блиндажа за водой. Две меткие пули Пчелинцева уложили их на месте. Это

было начало грозного счета мести врагу — за поруганную родину, за издевательства над советскими людьми, за варварские разрушения, нанесенные фашистами советским городам и селам.

Каждый день выходил он на огневую позицию. В дождь и в лютую стужу он часами подстерегал и беспощадно истреблял немецких захватчиков. Страстная ненависть к врагу, выдержка, хладнокровие, смелость и прекрасное умение маскироваться сделали Пчелинцева мастером снайперского удара. 152 гитлеровца нашли свою могилу от его метких пуль на подступах к Ленинграду.

Но Красной Армии нужны сотни, тысячи снайперов. Нужно, чтобы каждый боец умел бить врага наверняка. Это хорошо понимал Пчелинцев. Вместе со своим боевым товарищем Феодосием Смолячковым он стал инициатором движения снайперов-истребителей. Терпеливо обучал он своих товарищей мастерству меткой стрельбы, выводил их на передний край и там учил выбору огневой позиции, маскировке, снайперской выдержке и находчивости. Более 60 учеников Пчелинцева стали

теперь беспощадными истребителями немецких оккупантов.

За отвагу и героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками, правительство присвоило Владимиру Пчелинцеву высокое звание Героя Советского Союза.

Предлагаемая книжка — простой рассказ об опыте боевой работы героя-снайпера. Она поможет молодым бойцам выполнить приказ товарища Сталина — «изучить в совершенстве свое оружие, стать мастерами своего дела и научиться, таким образом, бить врага наверняка».

Мы говорим: снайпер — это сверхметкий стрелок. Стать снайпером может всякий, кто не имеет каких-либо существенных физических недостатков. Но было бы неправильно назвать снайпером человека, который только отлично стреляет. Охотник, попадающий белке в глаз, спортсмен, бьющий без промаха по мишеням, еще не есть снайпер, хотя выстрелы его снайперскими назвать можно.

Настоящий снайпер — это тот сверхметкий стрелок, который умеет искусно действовать в боевой обстановке. Он должен хорошо маскироваться, чтобы быть невидимкой для врага. Но сам снайпер все видит и обладает острой наблюдательностью. Это человек твердой воли, большой выдержки и терпения. Он должен быть ловким, сноровистым и подвижным. Все эти качества и позволяют ему использовать наилучшим способом свое оружие, бить врага наверняка. Снайпер также хорошо знает теорию стрельбы, свободно читает топографическую карту.

Может быть; кому-нибудь покажется, что снайпер какой-то особенный, из ряда вон выходящий человек. Это неверно. Все необходимые качества снайпера можно развить в себе упорной тренировкой, а всякую теорию можно одолеть учебой.

ЛАБОРАТОРИЯ НА ПОЛЕ БОЯ

С чего же лучше начинать подготовку снайпера? Конечно, как и принято, с изучения материальной части оружия. Только после того, как человек отлично изучил оружие, все его замечательные свойства, — лишь после этого он может с уверенностью стрелять и делать правильные выводы из своей стрельбы. А снайперу все время приходится себя проверять и поправлять. Он, как ученый-исследователь, производит один опыт за другим, только лаборатория для него — это поле боя. Сделал выстрел — и в случае промаха ищешь тотчас причину ошибки: правильно ли определил расстояние до цели, как рассчитал полет пули, учел ли влияние ветра, температуры и т. п. Поэтому снайперу важно знать

Хорошая военная выучка необходима снайперу. Он метко поражает цель, знает теорию стрельбы, топографию, умеет хорошо маскироваться, владеет лопатой..

Что нужно снайперу? -

ВЫУЧКА

теорию стрельбы, баллистику своего оружия. Тогда можно быстро определять свои ошибки и вносить поправки в стрельбу.

Например, такой случай. Ждешь противника на расстоянии 400 метров. Поставишь заранее прицел на эту дистанцию, учтешь все условия стрельбы и уточнишь боковую наводку. Но вдруг противник появляется в ином месте, чем ты его ждал. Времени для раздумывания нет. Нужно немедленно снять врага, иначе он уйдет. Поспешно ловишь фрица на мушку, нажимаешь на спусковой крючок. Промах! Сразу ищешь причину. Соображаешь: прицел был поставлен на 400 метров, а враг появился, как оказалось, на расстоянии 600 метров. Поэтому пули не долетели до цели, линия их полета была ниже, чем нужно. И если я целился врагу в грудь, то пули ушли в землю. Надо было придать винтовке больший угол возвышения, выбрать воображаемую точку прицеливания выше. А на сколько? Прикидываешь в уме, — оказывается, почти на 70 сантиметров. Получается, что нужно было целиться немцу не в грудь, а выше его на целую голову. Конечно, в следующий раз такой ошибки уже не сделаешь.

Или другой пример. Пристрелял я свою винтовку однажды в раннее пасмурное утро, когда было холодно и сыро. А стрелять пришлось днем, — погода разгулялась, и палило

знойное солнце. Вижу, стрельба не ладится. Все как будто правильно и прицеливаешься тщательно, а попаданий нет. Я уж потом сообразил, в чем тут дело. Стало жарко, воздух сильно нагрелся. Плотность воздуха уменьшилась, и сопротивление его полету пули также уменьшилось. Ведь даже при увеличении температуры всего лишь на 5 градусов траектория пули заметно повышается. Если стреляешь, скажем, на 700 метров, как мне пришлось, то отклонение это достигает 10—12 сантиметров. Такую элементарную физику снайперу знать весьма полезно. Ясно, что я должен был искусственно понизить траекторию пули. Это можно было сделать двумя способами: или стрелять нарочно как бы ближе, поставив прицел не на 7, а несколько меньше — на 6,5; или же, не изменяя прицела, понизить точку прицеливания.

Так хорошее знание баллистики позволяло мне быстро находить правильное решение.

МОЯ ВИНТОВКА

Любовь к оружию я привил себе еще в мирной обстановке. Но никогда я так остро не ощущал это чувство, как на фронте. Моя винтовка — это мой лучший друг. Я ее оберегаю, ухаживаю за ней, держу всегда в чистоте и порядке. Никогда не давал появиться на

ее металлических частях хотя бы малейшему ржавому пятнышку.

Мои боевые товарищи помнят, как иногда я голодный, продрогший возвращался с «охоты», но первое, чем я занимался, — это не едой, а опять же ею, моей дорогой, любимой винтовочкой. Да и как не любить ее и не беречь, если она спасает тебе жизнь и уничтожает подлых немецких бандитов!

Мои ученики не раз спрашивали, что за смазка у меня такая, почему моя винтовка блестит, как новенькая. Конечно, никакой у меня особенной смазки не было. А весь секрет заключается в ежедневном и внимательном уходе за винтовкой, в любви к ней. Да и в самом деле, разве найдешь винтовку лучше нашей русской? Она и легка, и бой у нее верный, и штык молодец. Только умелые руки и голову к такой винтовке, — и тогда не подходи немец!

Хотя все винтовки делаются и выверяются по одному шаблону, но все же у каждой есть свой «характер». Понимать этот «характер», знать, что винтовка любит и что не любит, — обязанность настоящего снайпера. У одной винтовки спуск бывает «мягкий», у другой более жесткий, или, как мы называем, «ступенькой». Одна требует брать угол возвышения чуть побольше, чем принято для данной дистанции, а другая, наоборот, немного мень-

ше. Для сверхметкой стрельбы все это имеет большое значение.

С последней винтовкой, какая была у меня на фронте, я так сдружился, что иногда «чутьем» угадывал, куда надо выносить точку прицеливания в любых условиях.

БОЕВОЙ ЭКЗАМЕН

Меткой стрельбе я научился до войны. Был сначала ворошиловским стрелком. А когда стал студентом Горного института, то записался в школу снайперов. Участвовал в снайперских лагерных сборах под Ленинградом. Жили мы в палатках, занимались саперным делом, маскировкой, топографией. Одним словом, приучались к походной жизни. На полигонах, где производились учебные стрельбы, мы вели огонь по подвижным мишеням: разные фигурки то появлялись, то вновь исчезали. Это было очень занятно, и мы воображали, что находимся на настоящем поле боя. Стрелять было просто и удобно. Лежишь себе на травке, нажимаешь на спусковой крючок и радуешься удачным попаданиям.

Но вот я попал на фронт, и здесь все мои снайперские навыки подверглись строжайшему экзамену. Здесь тоже появляются фигурки, но они в свою очередь стреляют по тебе. Местечко для стрельбы уже не отводится тебе

заботливым инструктором, а приходится выбирать самому, и если допустишь здесь ошибку, то можешь поплатиться жизнью. Стреляешь уже не в таком спокойном состоянии, и нужно преодолевать в себе известное чувство волнения, торопливости, а может быть, иногда и страха.

Война сразу определяет, что в человеке настоящее и прочное, а что наносное и случайное. Она показывает, что ты знаешь действительно твердо и что ты умеешь делать в самом деле хорошо.

Война оказалась для меня суровой, но самой лучшей школой. Она закалила меня, научила ненавидеть врага, научила переносить неудобства и лишения боевой жизни. Если на войну я ушел мягким, как железо, то сейчас мои чувства и организм закалены, как стальной клинок.

ШКОЛА ХЛАДНОКРОВИЯ

Все знают, что для меткой стрельбы необходимо прежде всего спокойствие и хладнокровие. В боевой обстановке выдержать это условие не так легко. Помню день, когда я впервые попал на настоящую огневую линию и стрелял уже не по мишени, а в живого немца. Было это в начале сентября 1941 года. Наша часть заняла оборону по берегу реки.

Я пробрался по траншее, выбрал себе ячейку и осторожно взглянул через амбразуру на противоположный берег. Там, в 400—500 метрах, были немцы.

Долго я наблюдал и вдруг вижу серую фигуру фашистского офицера. Он не торопясь шел по тропинке, которая вела к реке. В первый раз мне пришлось увидеть так близко живого немца. Чувствую, сердце так и прыгает. Вся злоба и ненависть к врагу вскипели вдруг. Вспомнил я разрушенные зверскими бомбардировками села и города, убитых женщин и детей, сожженные школы, уничтоженные фашистами сады и посевы... Не стерпел я и погорячился. Поспешил нажать на спуск... и не попал. Немец убежал. Стало досадно за свой промах.

«А вдруг винтовка подвела?» подумал я. Не уверен я стал в ней, хожу расстроенный. На такое близкое расстояние — и промахнулся! Решил проверить верность боя своей винтовки. Зову ребят, даю им бинокль и говорю: — Видите, из воды высовывается бревно? Я буду стрелять по нему, а вы смотрите в бинокль, где будут всплески от пуль.

Выстрел, другой. Два всплеска ложатся рядом, но далеко от бревна влево. Определяю, на сколько отклонились пули от точки прицеливания. Вышло — на два с половиной метра. Расстояние до бревна мы тоже подсчитали —

400 метров. Эти две цифры дали мне возможность определить величину необходимой поправки. Вращаю барабанчик боковых поправок в сторону плюса. Так я смещаю точку попадания вправо, то есть добиваюсь совмещения точки прицеливания с точкой попадания. Приложился к винтовке. Опять выстрел. На этот раз ребята кричат, что всплеск появился у самого бревна. Делаю окончательную, очень тонкую доводку в прицеле. Теперь я спокоен: винтовка бьет точно. Это самое главное. Остальное уже зависит от меня.

Вновь дуло моей винтовки следит черным глазом из амбразуры за противником. Опять долго стою, но немец, как назло, не появляется. Все-таки я дождался. Вышли на тропинку двое и осторожно спускаются к реке. Дрожь радости пробегает по телу, думаю: сейчас всыплю!.. Но тут сам себя уговариваю: «Спокойнее, не горячись!» И действительно, весь я внутренне как-то подобрался. Подпускаю фрицев возможно ближе. А они, с ведрами в руках и с автоматами у пояса, спускаются все ниже и ниже по тропе. «Теперь можно», мелькнуло в голове. Взял я на мушку первого немца и

Спокойствие и хладнокровие—основа сверхметкой стрельбы. Вижу, показались вдалеке два фашиста,—жду. Они подходят по тропинке к реке,—жду. Но только один из них наклоняется к воде,—тут я его и снимаю. А потом другого...

Что нужно снайперу? -

ХЛАДНОКРОВИЕ

плавно нажал на спусковой крючок. Выстрел — и немец, как подкошенный, свалился на песок. Ведро скатилось к воде. Другого фрица ранил мой сосед-стрелок. А когда немец хотел скрыться, я прикончил его вторым выстрелом.

Впоследствии становилось все легче обуздывать нервное нетерпение при появлении врага. Таким нетерпением страдают многие начинающие стрелки. Бывало появится фашист метров за девятьсот от тебя и идет на виду. А ты, вместо того чтобы выждать, сейчас же прикладываешься — и раз! Ну, и мимо! А теперь я делаю так. Смотришь — идет немчура. Жду. Идет он к тебе, скажем, по дорожке или пробирается меж деревьев. Жду. Он озирается и сворачивает к речке. Я уж на чеку, но жду. Начинает он черпать воду. И вот в тот момент, когда он, наклонившись, как бы замирает над водой, — тут ему и конец.

Был у меня такой случай. Немцы доставали воду из реки с высокого обрыва, опуская ведро на веревке. Делали они это из-за бугра. А как подтянут к самому карнизу, так один из фрицев выбегает, хватает ведро и тотчас же скрывается. Поспеть за их прытью было трудно. Но все же одного молодчика я выждал и снял. Я не стал пугать их преждевременно. Дал им спокойно опустить веревку

и зачерпнуть воды, а сам наметил место, где должен был появиться немец, чтобы взять полное ведро. Расчет мой был правильным. Только выскочивший фриц схватил рукой ведро — я его бац! И он полетел с десятиметровой высоты вниз.

С каждым разом я стрелял спокойнее и спокойнее, бил почти наверняка. Теперь я немцев действительно стреляю, как охотник свою дичь.

ВСЕГДА ТОЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Спору нет, каждый стрелок должен учиться правильно лежать, придать необходимое положение туловищу, раскинуть ноги, поставить, как полагается, руки. Это основа меткой стрельбы. Но для снайпера одного этого еще мало. Снайперу приходится стрелять из самых разнообразных положений, в любых условиях. Часто бывает, что позиция крайне неудобна, но зато очень выгодна: с нее хорошо скрытно наблюдать и простреливать вражеское расположение. Снайпер чутьем угадывает такую позицию. Он должен стрелять, и лежа на корневых ветвях за пнем, и сидя на суку дерева, и стоя из какой-нибудь случайной ямы, и распластавшись на открытом месте, а иногда буквально согнувшись в три погибели. Во всех случаях ему нужно изловчиться и производить

такие же точные выстрелы, как если бы он находился на учебном поле.

Былу меня такой случай. Осенью прошлого года шла переправа наших войск через реку Н. Лодки с ранеными бойцами плыли вниз по течению. Немцы, находившиеся на противоположном берегу, открыли яростный огонь по лодкам. Строчили из пулеметов. Я получил приказ подавить огонь двух вражеских пулеметов в моем секторе обстрела. Сидел я в дзоте. Стрелять из амбразуры было неудобно, да и кругозор оказался мал. Я выскочил в траншею. Но и отсюда вести огонь по немецким пулеметам было не с руки. Тогда я потихоньку выбрался из траншеи и пополз ближе к берегу. Прилечь где-либо в открытую было невозможно. Решил забраться в кучу веток. Вкопавшись в эту кучу, я выставил из нее ствол винтовки и стал ловить в прицел вражеского пулеметчика. Это было очень трудно. Ветки пружинили, как матрац, локти проваливались меж сучьев. Все же я выбрал момент, когда мое тело приняло хоть немного устойчивое положение, прицелился и выстрелил. И уложил немецкого пулеметчика. Положе-

Сноровка для снайпера — первое дело. Он должен метко стрелять из любого положения: и лежа на корнешках за пнем, и сидя на суку, и согнувшись в три погибели из-за ствола...

Что нужно скайлеру? -

СНОРОВКА

ние мое было не очень удобным, но зато скрытным. Спустя короткое время я уничтожил двух фашистских пулеметчиков и одного наблюдателя. Задание было выполнено.

Зимой как-то пришлось стрелять в такой обстановке. Впереди лежащий участок местности оказался заваленным бревнами, кучами веток, срезанных минометным огнем, глыбами земли и дерна, вывороченными снарядными разрывами. Все это скрывало от меня цель. Поэтому лежа стрелять я не мог. И приподняться из укрытия тоже нельзя было: немцы вели ожесточенный огонь. И выдвинуться вперед в белом халате я не мог: на темном фоне завала моя белая фигура очень выделялась бы. Тогда пришлось спрятаться за толстой березой, сильно изогнувшись, чтобы не отделяться от ствола. В таком крайне неудобном положении, стоя на одном колене и положив винтовку на сук, я должен был стрелять. Цель я все же поразил. Это были два немца.

Помню, раз весной нужно было выдвинуться возможно ближе к вражескому расположению. При малейшем движении немцы открывали отчаянную пальбу. Передвигался я короткими бросками через болото, приходилось камнем падать куда попало, иногда прямо в болотную жижу. Ляжешь и чувствуешь, как тебе в грудь упирает не то коряга, не то

твердая кочка: Холод охватывает живот, колени. Но подняться нельзя — подстрелят. Потом опять осторожно ползешь вперед. Подобрался я совсем близко к немцам. Выбрал кочку для упора винтовки, а все тело в воде находилось. Так и стрелял, чуть ли не плавая. Но недаром все это одолеть пришлось. Я снял фашистского корректировщика артиллерийского огня, и батарея немцев начала стрелять попусту.

Снайпер выходит на «охоту» в любую погоду — в сильный дождь, туман, снегопад, трескучий мороз, жару. И все равно выстрелы должны быть меткими. Поэтому снайпер должен быстро применяться к любым условиям и учитывать те поправки, которые необходимо делать в разную погоду.

ВОСПИТАНИЕ СТОЙКОСТИ

Большая выдержка и физическая стойкость необходимы снайперу. Осенью мне не раз приходилось вылеживать под проливным дождем, в грязи по несколько часов без всякого движения. Вода лила по лицу, проникала за воротник, попадала в сапоги. Холодный осенний ветер пронизывал насквозь, заставляя ежиться. Но надо терпеливо лежать, чтобы выследить врага и уничтожить его.

Бывало и так. В сильный мороз лежишь на

спегу в течение всего дня и даже поесть не можешь. Согреваешься только тем, что шевелишь изредка пальцами рук и ног. А уползти нельзя, — сам на мушку попадешь. Раз я попытался на виду у немцев подвигаться, так они начали «лупить» не только из автоматов и пулеметов, но даже из минометов. Пришлось лежать, уткнувшись головой в снег, до самой темноты.

Вначале все это было непривычно и тяжело. Ну, а потом привык, втянулся в боевую страду. А как появится фриц, так все забываешь — и холод, и голод, все мысли прикованы только к нему, как бы его не упустить. Подстрелишь удачно — и чувствуешь, что полностью вознагражден за свои лишения: одной поганой тварью на земле меньше. И тогда все тяготы фронтовой жизни переношишь куда легче.

Однажды мне пришлось вступить как бы в соревнование на выдержку с фашистским снайпером. Мы почти одновременно заметили один другого. Вижу, он быстро спрятался за камень. Я припал в небольшой ямке. Лежим час, лежим два... Подняться невозможно,

Однажды мне пришлось вступить как бы в соревнование на выдержку с фашистским снайпером. Он быстро спрятался за камень. Я припал в ямке. Так мы лежали четыре часа, подстерегая один другого. Но вот фашист не выдержал, стал двигаться, неосторожно открыл себя. В этот момент я его и подстрелил.

Что нужно снайперу? -

ВЫДЕРЖКА

нельзя даже переменить позу, так как при малейшем движении можешь подставить голову, плечо или руку под пулю. Каждый стережет другого: у кого больше выдержки и крепче нервы? Немеют члены от однообразного положения, по левой ноге забегали колючие мурашки — затекла нога. Но лежишь, другого выхода нет. И держишь палец на спуске. Только внимательно следишь за камнем, где укрылся немец. Он также хочет поймать тебя на какой-нибудь оплошности. Четвертый час уже пошел. Не выдержал наконец фриц. Начал ерзать за своим камнем и неосторожно открыл себя на мгновение. Но этого было достаточно: я слегка нажал на спуск и тотчас увидел, как немецкий снайпер тяжелым мешком повалился на бок, еще более открывая себя. Больше он не двигался... Так я выиграл этот поединок, потому что обладал большей выдержкой и выносливостью.

Я не принадлежу к числу так называемых «здоровяков» с широкой грудью и косою саженью в плечах. Но задатки физической стойкости и выдержки я прививал себе еще в мирное время. Много занимался спортом и физкультурой, еще со школьной скамьи. Потом в Горном институте у нас неплохо работала спортивная школа, и я стал ее активным членом. Учился бегать, прыгать, делать упражнения на снарядах. Особенно увлекался тен-

нием. Этот вид спорта очень развивает ловкость, точность удара, глазомер, а также выдержку и упорство. Не без успеха занимался я и гимнастикой; добился даже получения всесоюзного разряда. Гимнастические упражнения делали мышцы эластичными, тело гибким.

Организм привыкал к хорошей физической нагрузке. А главное, я приучался правильно рассчитывать свои силы, чтобы их хватило до конца соревнования и можно было напрячь в самый решающий момент. Зарядку я проделывал аккуратно каждый день. В комнате у меня была гиря, с которой я также ежедневно работал. Это сделало руки сильными. Очень любил туризм и альпинизм. В летние каникулы совершал пешком длинные переходы, лазил по горам, по обледенелым скалам. Там развивались качества, весьма пригодившиеся мне в будущей работе снайпера: выносливость, привычка к походной жизни, умение ориентироваться в любой обстановке.

Эти привычки физкультурника я принес с собой и на фронт. Старался каждый день, как бы ни были трудны условия, обливаться холодной водой до пояса. Даже в суровую зиму я всегда умывался и растирал тело снегом. Благодаря этому за все одиннадцать месяцев пребывания на фронте я ни разу не болел, чувствовал себя всегда бодрым и веселым.

А бодрость и улыбка на войне — чрезвычайно важная вещь.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРИСТРЕЛКА

Снайперу часто приходится стрелять по цели, о появлении которой можно заранее предполагать. Нередко угадываешь приблизительно то место, где должен появиться фашист. В таких случаях обычно теоретически подсчитывают установку прицела: прикидывают расстояние, вносят поправки на ветер, температуру и т. п. А потом сразу открывают огонь. И я так делал. Но опыт войны подсказал мне, что лучше всего пристрелять винтовку практически. Ведь в боевых условиях оружие легко можно и ударить, и уронить, подвергнуть сильной встряске. Все это нарушает бой винтовки, требует внесения новых поправок при стрельбе, которых никак не учесть заранее. А снайпер должен быть всегда уверен в своей винтовке. В этом — залог его успеха. Необходимо возможно чаще проверять оружие. Тут и приходит на помощь практическая пристрелка. Сначала я производил ее от случая к случаю, а потом это вошло у меня в систему.

Физическую стойкость я прививал себе еще в мирное время. Много занимался физкультурой и спортом. Ежедневно делал утреннюю зарядку, учился хорошо плавать, прыгать через препятствия, лазил по горам и ходил на лыжах...

Что нужно снайперу? -

ФИЗИЧЕСКАЯ СТОЙКОСТЬ

Приведу несколько примеров из моей боевой практики.

Впереди нашего расположения проходила проселочная дорога. Мне сообщили, что рано утром по ней обычно пробирается немецкий пулеметчик к себе в огневую точку. Я решил заняться этим делом и под вечер выбрал себе удобную огневую позицию. Небольшой отрезок дороги был совершенно открытым. Я и наметил подстрелить фашиста, когда он покажется на этом участке. Но решил проверить заранее бой винтовки. Выбрав на дороге столбик, выстрелил. Пуля, видно, чиркнула по дороге, ибо на полметра левее столбика поднялась пыль. Я внес поправки в установку прицела и опять выстрелил. Пыль поднялась перед самым столбиком. Теперь я был уверен, что на данную дистанцию винтовка моя пристреляна хорошо. На следующее утро я спокойно выждал появление немецкого пулеметчика и с первого же выстрела поразил его.

В другой раз я обнаружил на противоположном берегу след, идущий к реке. Догадываюсь — немцы здесь ходят за водой. Решаю подстеречь их. Но прежде всего надо проверить верность винтовки. У самого берега с противоположной стороны выбираю столб в воде, очевидно остаток от пристани. Выстрел, — всплеск показывает, что надо взять повыше. Изменяю прицел... На следующий день

сизу на берегу на той же позиции, слежу в бинокль за тропкой. И вот в бледном рассвете замечаю на ней два силуэта. Подпускаю их к самой воде. Выстрел — и первый немец летит в воду. Второй бежит обратно, но и его настигает моя пуля.

Зимой производить пристрелку труднее. Но все же мне удавалось определять попадание по тем легким взвихрениям снега, какие получаются от пули, — подобно всплескам на воде. Больше же приходилось пристреливать трассирующими пулями. Делали мы это так. Знаешь, что днем немцев в пулеметных точках обычно нет. Эти часы и выбираешь для пристрелки. Намечаешь амбразуру пулеметной точки и стреляешь в нее трассирующими пулями. Делаешь выстрел, другой, третий, пока цветной след не покажет, что пуля влетает в амбразуру. Тогда запоминаешь прицел и точку выноса прицеливания. Наступает темнота, немцы приходят в свои огневые точки и начинают пускать ракеты. Когда ракета вспыхивает, темная пасть амбразуры хорошо выделяется на снегу. Винтовка у тебя уже подготовлена, и в этот момент ты стреляешь. Так с первых же выстрелов выводил из строя вражескую точку.

Зимой я подметил очень важное явление для снайперской стрельбы. Однажды я стрелял по немецкому снайперу, а пуля попала в

такое место, что оставила после себя на снегу черное пятно. Это пятно среди ровного бело-снежного поля послужило мне ориентиром. Я сделал поправки и уничтожил снайпера. Факт появления этого черного пятна меня заинтересовал. Я выяснил, что на склонах снег обычно не примерзает к самой почве, а как бы одеялом укрывает ее. Между снеговым покровом и землей получается воздушный зазор. Пуля пробивает слой снега, проходит воздушный зазор и впивается в землю. Снег при этом не осыпается, и в нем остается отверстие. Так как лучи дневного света в отверстие не проникают, то оно и чернеет на белом фоне. То же может произойти и тогда, когда снег плотно прилегает к почве, но слой его очень толстый.

Я понял, насколько это важно, и впоследствии не раз применял такой зимний способ практической пристрелки оружия. Делал я это так. Неподалеку от врага, которого хотел сразить, выбирал я палочку или маленький пучок травы. Это служило мне точкой прицеливания. Потом производил пристрелку. Попадания я определял по темным пятнам, появлявшимся на снегу от пуль. В бинокль их было хорошо видно. Делал поправки, а затем переносил свой огонь на цель. Особенно большую услугу мне оказала такая пристрелка во время одного из наших наступлений. Я пришел заранее на место назначенной переправы и пристрелял

практически все более или менее крупные ориентиры. Когда же на следующее утро немцы попытались воспрепятствовать продвижению наших войск, выкатив в открытую пулеметы, я быстро уничтожил несколько пулеметчиков. Немцы поспешили ретироваться со своими пулеметами, и наше подразделение успешно продвинулось вперед.

Такую же пристрелку хорошо использовать, когда необходимо сразу попасть во врага, не пугая его заранее. Был у меня такой случай. На чердаке одного дома засел немецкий автоматчик-наблюдатель. Надо было его снять. Для верности решаю сначала практически узнать, какой точно прицел следует установить. Рядом стоит дом. Произвожу несколько выстрелов по окнам. Наконец добиваюсь своего: стекло, в которое я стрелял, разбито. Тогда переносу огонь на фашистского автоматчика и поражаю его.

Однажды пара немецких пулеметчиков яростно строчила из каменного дома и мешала нашему продвижению. Решение то же. Выбираю на стене этого дома небольшое пятно. Выстрел,—от стены немного правее пятна отлетает белое облако штукатурки. Попадание ясно видно. Вношу поправки и стреляю еще раз в пятно. Теперь попадание точное. Винтовка пристреляна. Переносу огонь на немецких пулеметчиков. С двух выстрелов оба убиты!

Пусть никого не смущает, что на практическую пристрелку надо потратить несколько пуль. Это окупится с лихвой, когда нужно будет вести огонь на поражение врага. Тогда достаточно всего одного-двух выстрелов, чтобы попасть в цель.

Пристрелку необходимо производить незаметно для противника. Можно делать это, например, во время артиллерийской канонады или общей ружейной перестрелки. Можно поступить и так. Попроси товарищей открыть частый огонь из автоматов или пулеметов, а сам под общий шум пристреляй свою винтовку.

СНАЙПЕР ВЫХОДИТ НА ПОЗИЦИЮ

Никакая меткая стрельба не может увенчаться успехом, если снайпер не умеет хорошо маскироваться и оборудовать скрытую позицию по всем правилам искусства. Ты все видишь, а тебя никто не видит. — таково неотступное правило всякого снайпера. Нередко снайперу приходится работать на открытой позиции. Тогда он должен искусно примениться к окружающей местности, как бы раствориться в ней. Здесь можно дать несколько практических советов.

Если у тебя на голове пилотка, то заложил за ее поля пучки травы или тоненьких вето-

чек, но так, чтобы они не мешали твоему кругозору. Вокруг ремня, по бокам и на спине, засунь ветки посolidнее. Маскируй плечи. Для этого приготовь заранее жгуты из веток и продень их подмышками в виде лямок. За голенища сапог также заткни ветки. Прежде чем выходить на позицию, попроси товарища проверить твою маскировку. Переднюю часть туловища — грудь, живот — оставляй чистой и гладкой, иначе будет трудно ползать по земле.

Если есть возможность, то и винтовку оберни тонкими пучками травы. Но только не дульную часть, чтобы не мешать стрельбе. Хорошо также обшить трубку оптического прицела зеленой материей: тогда его шлифованные части не будут блестеть на солнце.

Зимой маскировка усложняется. Надо следить за тем, чтобы маскхалат, чулки на валенки, рукавички, сетка на лицо были совершенно белыми. Винтовку лучше всего забинтовать марлевым бинтом. А когда тебе предстоит ползти по открытому месту, постарайся запорошить себя снегом. Нагнись под деревом и потряси его тихонько. Или просто набросай себе на спину снег.

Так же тщательно надо маскировать и закрытую позицию, а главное — подходы к ней. Как бы ты хорошо ни замаскировал свою позицию, но если будешь обнаружен при подхо-

де к ней, то враг быстро накроет и самую огневую точку.

Расскажу, как я оборудовал одну огневую позицию.

Дело было зимой. Наш батальон пришел на отведенный ему рубеж. После рекогносцировки я выбрал для себя подходящий участок. Это был мыс, который вдавался острым клином в реку. С него открывался хороший обзор противоположного берега. Сектор наблюдения был более 180 градусов. На самом мысу рос редкий лесок. Здесь я и наметил точку для огневой позиции — под ветвями старой ели. Надо было отрыть в земле укрытие. Работать приходилось, конечно, ночами. Днем работать — значит почти наверняка выдать противнику свое место. Так мне удалось выдолбить в мерзлой земле окоп. Песок я в цинках для патронов оттаскивал в траншею. Когда окоп был готов, я сделал бруствер, подлокотники из досок. Переднюю часть позиции оставил сверху открытой, чтобы можно было приподниматься и стрелять, а если нужно, то и вылезать. А над задней частью окопа соорудил из бревен перекрытие, под которым мог прятаться от пуль, от осколков мин и снарядов.

Подход я маскировал все дни, пока оборудовал огневую точку, и делал это с большой осторожностью. Среди кустов и деревьев я создал сеть искусственных насаждений. Каж-

дую ночь отрывал одну-две ямки, закапывал в них по елочке и обсыпал голые ветви снегом. Враг ничего не замечал. Когда я коптил оборудование позиции, то и подход к ней был уже готов. Потом я принялся за внутреннее устройство моего «жилища». Обложил стенки окопа ветвями, как плетнем. Для этого вбил предварительно колья по стенкам окопа и переплел эти колья ветвями. Чтобы теплее было стоять, набросал под ноги веток. Над головой у меня был естественный шатер из еловых ветвей.

Не забыл я и еще об одном важном факте — о заднем фоне. Приходилось работать в маскхалате, поэтому на темном фоне голова с белым капюшоном была бы хорошо видна. Я сделал довольно просто: срубил сзади себя ветви, и моя голова в белом капюшоне оказалась на белом фоне.

Снег перед амбразурой я уплотнил и спрыснул водой. Он подмерз и при выстреле не разлетался. А это важный маскировочный элемент. Некоторых немецких снайперов я обнаруживал именно по взвихрению снега, которое поднимали пороховые газы, вылетая из дула.

По такому же принципу были оборудованы и остальные точки.

Так я стрелял с четырех разных позиций. Сделаешь несколько выстрелов — и быстро перебираешься на другую позицию. Поэтому

немцы никак не могли засесть меня, а я их бил и бил.

Летом оборудовать позицию, конечно, легче, чем зимой. Летом и грунт мягче, и естественная маскировка богаче. Хочу только посоветовать, как лучше всего устраивать амбразуры. Амбразуру надо делать не просто в виде четырехугольного отверстия, а в форме раструба. Широкая часть раструба должна быть обращена в сторону противника, — так увеличивается сектор наблюдения и обстрела. А узкая часть должна быть обращена в сторону снайпера, — так противнику труднее попасть в него. Важно, чтобы во время стрельбы песок и земля не осыпались со стенок амбразуры. Я обычно обкладывал амбразуру изнутри дерном или ветками. Надо также внимательно следить, чтобы амбразура не выделялась на окружающем фоне и не демаскировала снайперскую огневую точку.

При выборе огневых позиций снайперу необходимо знать основы топографии и тактики. Это я учил еще в мирное время. Но только на фронте я как следует понял, насколько это важно.

Однажды, придя на новый рубеж, я решил оборудовать систему огневых точек для своих снайперов. Расчет был такой: где бы ни появились фашисты на этом участке, их должна настичь снайперская пуля. Мы подробно

осмотрели всю местность. Наметили важнейшие ориентиры и вымерили расстояния до них. Но немцы своим огнем мешали нам передвигаться. Тогда мы достали топографическую карту и по ней «просмотрели» все недоступные нам участки, определили наиболее вероятные пути, по которым немцы могли подходить к нашему рубежу. Это позволило наметить такую сеть огневых точек, чтобы вся местность простреливалась нашим огнем, чтобы на ней не было «мертвых пространств». Вся эта предварительная работа не прошла даром. Немец не мог и шагу ступить, чтобы не попасть под наш обстрел. Так мы всего лишь за один месяц уничтожили около трехсот гитлеровских солдат и офицеров.

ХИТРОСТЬ И СМЕКАЛКА

Острая наблюдательность неразрывно связана со снайперским искусством. Вот почему мы говорим — снайпер-наблюдатель. И действительно, лучшего наблюдателя, чем снайпер, едва ли найдешь.

Я свой участок обстрела обычно знал до мельчайших подробностей. Бывало заметишь, что в расположении немцев появился лишний бугорок или кустик. Значит, немец что-то подстраивает там. И очень часто именно на этих

местах я обнаруживал цель. Наблюдения свои я всегда проверял в бинокль.

Был у меня однажды такой случай. Придя утром на огневой рубеж, я, как обычно, стал внимательно осматривать в бинокль вражескую линию обороны. Вдруг в одном месте замечаю — что-то неладно. Что именно, я вначале не понял, но чую что-то подозрительное. Листья одного из кустов время от времени тихонько вздрагивали. Потом я заметил, что после такого вздрагивания через пару секунд раздавался выстрел. Я стал внимательно следить за кустом. Вот опять листья вздрогнули, и снова выстрел. Сомнений не было — там враг. Я отложил бинокль и, взяв винтовку, нашел в оптический прицел подозрительный куст. И одну за другой выпустил туда несколько пуль. Куст повалился. Оказывается, он был поддельным, и за ним прятался немецкий стрелок.

Другой случай был зимой. В одном месте я заметил горстку желтого песка. С чего бы это? Приглядываюсь к тому месту и замечаю, что рядом с горсткой песка — нет-нет, и по-

Хитрость и смекалка—также оружие снайпера. Один из нас стреляет нарочно из блиндажа так, чтобы снег разлетелся при выстрелах. А другой—поджидает в стороне, когда немец откроет по блиндажу огонь и этим обнаружит себя. Ловим мы фашистов и на другие приманки.

Что нужно снайперу? -

ХИТРОСТЬ И СМЕКАЛКА

явится на снегу черное пятно. Наконец я смекнул, в чем тут дело. Песок дал мне мысль, что тут немцы рыли землю. А темное пятно оказалось не чем иным, как амбразурой огневой точки, которую фрицы занавесили белой тряпкой. Но, очевидно, сделали это не очень аккуратно, ибо угол тряпки от ветра все время приподнимался и часть амбразуры становилась видной. Я сообщил результаты своего наблюдения артиллеристам. Те пустили в немецкий дзот несколько снарядов, и от вражеской огневой точки ничего не осталось. Некоторые фрицы пытались выбежать из дзота, но их навсегда усмирили снайперские пули.

Несмотря на многие свои удачи, я никогда не пренебрегал осторожностью, ибо снайпер должен быть осмотрительным и хитрым.

Вот как я однажды уничтожил вражеского снайпера. Взял с собой напарника. Он расположился метрах в пятидесяти-шестидесяти от меня и стал давать редкие выстрелы. Он нарочно делал так, чтобы снег перед амбразурой разлетался, но сам тщательно хоронился за стенками блиндажа, не высываясь в амбразуру.

Я же лег на открытой позиции и стал наблюдать. Немец долго не шел на нашу приманку, но потом все-таки попался. Видно, ему очень захотелось уничтожить нашего стрелка

в огневой точке. И вот я вижу, как с левой стороны одного кустика вдруг разлетается снег, а через секунду слышу глухой выстрел. Ну, думаю, гад, попался! Но для верности решил подождать. Смотрю, опять та же картина: взмет снега около куста и затем звук выстрела. А мне друг уже кричит, что к нему пуля в амбразуру влетела и чтоб я торопился. Я его успокоил: «Сейчас, манюня!» (Это у нас ласковое обращение друг к другу.) И пустил из своего снайперского полуавтомата три пули прямо в куст. Три пули я пустил сознательно, учитывая их рассеивание. Таким образом, я как бы накрыл невидимую цель свинцовой решеткой. И это принесло свой результат. Смотрю, на снегу у куста упала винтовка. Значит, фашисту пришел конец.

Другого снайпера мы подловили таким путем. Линии траншей проходили в 80 метрах друг от друга. Я велел одному бойцу взять каску, надеть на полено и время от времени ходить с ним по траншее, высунув над бруствером.

Сам же я занял огневую позицию. Немецкий снайпер начал стрелять по каске. Был ранний рассвет. Над местностью стояли еще серые сумерки, и огневые вспышки от выстрелов были хорошо заметны. Тут я и подстрелил голубчика — с одного выстрела прямо в голову.

Так хорошая выучка, меткость и спорозка помогали мне уничтожать немецких оккупантов. Горе тому фашисту, кто попадет на мушку советского снайпера!

Запомни!

Настоящий снайпер — это тот сверхметкий стрелок, который умеет искусно действовать в боевой обстановке.

Что для этого нужно?

- 1. Выучка.*
- 2. Хладнокровие.*
- 3. Сноровка.*
- 4. Выдержка.*
- 5. Физическая стойкость.*
- 6. Хитрость и смекалка.*

Настойчиво развивай в себе эти качества, чтобы стать мастером снайперского удара и разить врага наверняка.

Цена 45 коп.